

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

К вопросу о социально-практическом аспекте концепции знания Платона

Тесленко Филипп Александрович

Студент

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Философский

факультет, Харьков, Украина

E-mail: caddif3@gmail.com

Мы считаем, что ввиду важности «гераклитова вопроса» для концепции знания у Платона, понимание данной проблемы должно быть углублено и скорректировано.

Постоянная изменчивость мира не исключает возможности обретения знания о нем. Всеми греческими философами знание рассматривалось как открытие истинной природы окружающего мира. Следовательно, если мир находится в постоянной изменчивости, то чувства являются тогда единственным и реальным знанием о реальности. Платон в диалоге «Протагор» критикует концепцию знания, представленную Протагором, именно такого рода, суть которой нельзя понимать как релятивизм, но как инфантилизм: «То, что для меня является в чувствах таковым, таким является и по своей природе» [4]. Но, по мнению Платона, чувства все равно не дают истинной картины реальности, т. к. за любым количеством разрозненных единичных ощущений все равно лежат общие концепты («общие термины»), с помощью которых мы понимаем весь окружающий мир, причем непосредственно со знанием чувства не связаны. Более того, общие термины всегда существуют до опыта, не связаны с чувствами и даже противостоят им [7].

Следовательно, именно «общие термины» являются первоочередными сущностями, на которых базируется наше знание [4].

Перед Платоном стоит важная двухчастная проблема: во-первых, как и на основе чего возможно знание об общих терминах и, естественно, какими характеристиками они должны обладать, чтобы быть реально способными выполнять возложенные на них функции; вторая часть вопроса заключается в том, как общие термины соотносятся со знанием вообще, с «целостной системой знания».

Первая часть вопроса непосредственно связана с проблемой своего рода круговой природы знания. Суть вопроса такова: знание всегда основывается на знании чего-то (в данном случае, общих терминов), следовательно, как тогда возможно знание самих общих терминов, если они лежат в основе всего остального знания [4]. Платон не полагает, что общие термины известны полностью дорефлексивно, (как, например, Бертран Рассел), или схватываются как аподиктические и самождественные, неделимые элементы. Для него знание не существует без объяснения, апелляции к другому, ни один из неделимых элементов не может быть известен из самого себя [1].

Такое видение смыслов общих терминов задано совокупной практикой космополиса, в которой такую роль играют законы. Их содержание и наличие Платоном никак не оспаривается, они реальны, они интерсубъективны и объективны, ибо существуют в полисе «изначальнее», чем любой гражданин. Следовательно, проблема заключается в непонимании истинной сути каждого термина, а именно в использовании его «автономно», вне языка и объяснения через другое. Критерием правильности термина является беспредпосылочность, т. е. когда все известное при рассмотрении

включается в релятивную систему дискурса, а некоторое значение рассматривается не из него самого, но как часть целостной системы [1].

Следовательно, можно утверждать, что возможность познания реальности напрямую зависит от социальной активности обсуждения, социального взаимодействия и т. д. Не опровергает данный факт и устройство «идеального государства» Платона. Сам Платон отмечает, что философ таковым является только благодаря правильному воспитанию, и, прежде всего, воспитанию посредством диалектики, выработанной внутри самого полиса и повторяющей его структуру [1].

Вопрос достоверности существования для Платона не стоит [2], поэтому его основной вопрос: «Что это есть» несколько не стоит понимать в классическом смысле – когда вопрос о сути вещи принимает онтологически-субстанциональную коннотацию, когда определить истинную природу вещи – значит узнать, может ли она существовать в реальности, а не быть просто значением, искусственно созданным разумом. Для Платона до поздних диалогов такая проблема вовсе не стоит. Для Платона вопрос «Что это есть» обращен к практическим социально-политическим потребностям полиса и может быть переформулирован таким образом: «Для чего это и в какой связи с целым определенного искусства это находится». Определить место вещи в практической жизни полиса означает точно и полностью определить ее место и сущностную связь с совокупностью всех других [3]. Следовательно, знание неразрывно связано с социальной практикой: производство знания одновременно воспроизводит, укрепляет существующий порядок организации полиса. Такое знание, рождаемое именно через коллективное размышление может существовать только, как неотделимая часть самого социального универсума [5].

Следовательно, «сократическое вопрошание» призвано лишь побудить каждого к открытию того, что то, что казалось человеку очевидным и понятным, таковым не является. Кстати, стоит обязательно отметить, что переосмысление концепции анамнезиса подтверждает реляционную концепцию знания, которая обосновывалась нами – ведь на самом деле, первоначальное значение термина «ἀνάμνησις» не связано с привычным нам воспоминанием, но означает особый умственный процесс, когда «при размышлении о чем-то одном сразу же вспоминается что-то другое» [6].

Таким образом, можно утверждать, что Платон опять делает очень важное открытие – анамнезис есть припоминание того, что «общие термины» существуют в сознании не самостоятельно, но связаны с целым социального пространства полиса. И здесь социальная природа знания и когнитивная природа устройства общества приходят в равновесие и дополняют друг друга.

Литература

1. Платон. Диалоги: В 2 т. М., 2007-2008. Т. 2.
2. Родин А. В. Математика Эвклида в свете философии Платона и Аристотеля. М., 2003.
3. Ballard E. G. Philosophy and the liberal arts. Dordrecht, 1989.
4. Fine G. Plato on knowledge and forms: selected essays. Oxford, 2003.

5. Ophir A. Plato's invisible cities: discourse and power in the Republic. Savage, 1991.
6. Pitchard P. Plato philosophy of mathematics. Michigan, 1995.
7. Scott D. Recollection and experience: Plato's theory of learning and its successors. New York, 1995.